

ученых закончили ВУЗ и работают в одном и том же городе. В Свердловской и Пермской областях количество приезжих также невелико (около 10%), а вот в Удмуртии и Оренбурге их уже больше 20%.

Нарисовать коллективный портрет задача не простая и статистическая обработка данных энциклопедии это только первый шаг в решении проблемы. Даже первичный анализ полученной информации способен привести к интересным выводам, которые охарактеризуют как развитие исторической науки на Урале в целом, так и в отдельных регионах.

**Соколова Е.С.
(Екатеринбург)**

**“Мои лицейские досуги...”: государственная политика
в сфере образования дворянства
(на примере пушкинского выпуска
Императорского Царскосельского Лицея)**

Проблема эффективности высшего и среднего профессионального образования является сегодня одной из самых обсуждаемых сторон научной и педагогической деятельности. Полное соответствие поставленных дидактических целей ожидаемому социальному результату можно расценивать лишь как идеальную модель мониторинга, возможность воплощения которой зависит от таких субъективных факторов, как личность преподавателя и индивидуальность ученика. Не последнюю роль в образовательных процессах играют особенности исторической эпохи, духовная атмосфера общества и позиция государственных структур по отношению к просвещению. Любопытным примером разрыва между возможным и должным является опыт открытия в 1811 г. Императорского Царскосельского Лицея, который обогатил Россию не только крупными государственными чиновниками, дипломатами, военными, но и подарил ей блистательного А.С. Пушкина.

С 50-х гг. XIX в. в отечественной историографии Лицей традиционно характеризовался как учебное заведение с ярко выраженным литературно-филологическим направлением. Романтизация «лицейской старины» возникла, во многом, благодаря трудам академика Я.К. Грота, который, будучи бывшим лицеистом VI выпуска, собрал обширный материал о пушкинском курсе. Культурное значение Лицея Грот видел прежде всего в том, что «первым блестящим плодом его воспитания был юноша, вовсе не годившийся для службы и однако же более всего прославивший это заведение». Грот считал, что имя Пушкина спасло Лицей от духовного падения в пору 20-х гг. XIX в., когда он должен был по прихоти Николая I превратиться в «рассадник министерств и гвардии». Для Грота Лицей являлся лучшим из закрытых учебных заведений императорской России отнюдь не потому, что там при-

обретались основательные сведения в сфере политической экономии, истории и философии права. Он мимоходом упоминает, что даже в годы учебы Пушкина далеко не все наставники были людьми способными и деятельными. Несмотря на это обстоятельство, сословный характер лицейской среды придавал ей особый духовный настрой, благодаря которому царскосельское прошлое зримо присутствует в зрелой лирике А.С. Пушкина, озаряя монотонные будни поэта в «тиши михайловских дубрав». Лицейсты первого выпуска, будучи выходцами из дворянских семей различного достатка и социального положения, принесли с собой то общее, что объединяло в александровскую эпоху тех представителей высшего сословия, которые охотно обращались к «умственным забавам, развивающим мысль и воображение». «При таком направлении, - писал Грот, - Царскосельский Лицей никогда не доходил до той пустоты и суетности, ... которые могут овладеть закрытым заведением, когда оно лишается ... уважения к умственному превосходству, труду и талантам». Он настойчиво подчеркивает соответствие лицейских пенат образу «счастливого приюта муз», «где и удаление от шума столицы, и красоты местности, и стечение особенных обстоятельств ... как бы нарочно соединились к тому, чтобы ... ускорить развитие способностей юного Пушкина». Восторженность Грота не должна вызывать у сегодняшнего исследователя ни удивления, ни негодования. Причастность к биографии великого человека или к значительному историческому событию, пусть даже косвенная, всегда порождает неосознанную склонность к мифотворчеству.

Собирая материалы о пушкинском Лицее, историки рубежа XIX – XX вв. усматривали главное преимущество этого учебного заведения в приобщении лицейцев к литературным занятиям. То же мнение не раз повторялось в отечественной пушкинистике прошлого века. Между тем, учредители Лицея, прежде всего сам император Александр Павлович, были заинтересованы в более универсальной системе обучения, соответствующей целям подготовки государственных служащих. Анализ учебных программ, составленных в первом десятилетии XIX столетия лицейскими преподавателями, показывает, что включение в них обширных курсов правоведения, истории, логики, статистики и политической экономии, было рассчитано на будущих чиновников в сфере внутренних дел, юстиции и дипломатии. Именно эти ведомства определялись в александровскую эпоху как «важнейшие части» бюрократического аппарата. Этому отнюдь не противоречило то обстоятельство, что основатели Лицея собирались сделать ведущим направление воспитания юношества «соединение литературного образования с научным, и так – что первое предшествует второму». Царское Село, которое, по словам того же Грота, «соединяло в себе двойное обаяние светлых исторических воспоминаний и живописных красот местности», становилось идеальным местом для воплощения в жизнь подобного универсума (1). Изучение лицейских материалов не оставляет сомнений в том, что с момента своего основания он должен был выпускать специалистов в сфере политики и права (2).

Пушкинисты прошлого века не раз справедливо отмечали, что проект создания Лицея был не «счастливой случайностью», а следствием политической ситуации первого десятилетия царствования Александра Павловича. Курс верховной власти на либерализацию государственного строя в рамках концепции «просвещенного абсолютизма» требовал создания системы образования, способной воспитать чиновников в духе принципа законности. Вот почему в Лицее считалось необходимым говорить с дворянской молодежью о «науках нравственных», под которыми в ту эпоху подразумевалось исследование проблемы «положения человека и гражданина в обществе, а также права и обязанности, отсюда возникающие». Предполагалось, что в изучении права лицеисты должны от самых простых понятий подняться «до коренного и твердого познания различных прав» на основе «изъяснения» им системы «права публичного, права общенародного, права частного».

В «Записке об образовании Лицея», составленной графом А.К. Разумовским для Александра I, содержалось предложение сократить программы по естественным предметам, математике и древним языкам на том основании, что «знания всякому благовоспитанному приличны, надлежит различать от наук, в особенности нужных только некоторого состояния людям». А.К. Разумовский настаивал на прикладном характере преподавания, как наиболее подходящем для подготовки государственных служащих. Он справедливо указывал на многопредметность лицейских курсов, совершенно не соответствующих ни возрасту воспитанников, ни тому времени, которое они должны были провести в Лицее. Именно по настоянию Разумовского в программу преподавания иностранных языков был включен вместо древнегреческого немецкий, имевший в начале XIX в. широкое распространение в юридической и дипломатической практике. Статус Лицея как закрытого учебного заведения для дворянства был закреплен в соответствующем «Постановлении», утвержденном Александром I 12 августа 1810 г. По своему положению новое учебное заведение приравнивалось к российским университетам, которые не пользовались популярностью в аристократической среде из-за необходимости обучать детей вместе с разночинцами. Директор Лицея получил чин 5-го класса, который, согласно «Уставу учебных заведений» 1804 г., соответствовал должности университетского ректора. Все лицейские преподаватели имели право на выплату пенсий наравне с университетскими служащими. Курс обучения в Лицее был составлен «из предметов, приличных важным частям государственной службы». Основой лицейских программ объявлялось такое распределение учебных предметов, при котором их взаимосвязь представляла бы единое целое. Первые три года отводились на первоначальное знакомство с отечественной и зарубежной историей, началами логики, основами «наук физических», с произведениями изящной словесности, грамматикой древних и современных языков. Это была своеобразная подготовка ко второму периоду пребывания в Лицее, когда начиналось углубленное изучение философских, юридических, экономических на-

ук. Все указанные в программах предметы являлись для лицеистов обязательными. Общее образование, полученное воспитанниками в первые три года обучения, мыслилось как основа освоения специальных наук, необходимых для успешного вступления на государственное поприще. Начиная с четвертого курса, самое большое внимания уделялось «наукам нравственным и юридическим». Параллельно «с началом обозрения важнейших эпох всемирной истории по Боссюэ и Феррану» шло знакомство с различными теориями европейского права, которые, в свою очередь, рассматривались в комплексе с проблемами политической экономии. Последняя изучалась в сравнении «трех главных ее систем: коммерческой, экономической и теории Адама Смита». Особое внимание уделялось изучению «права российского». Лицейский курс предусматривал необходимость дать будущим чиновникам основательные сведения в области философии истории, знание которой расценивалось как существенное преимущество для квалифицированного специалиста в сфере права.

Если начальный этап знакомства с историческими науками ставил цель сформировать «понятие о важных происшествиях исторических», а также научить «относить вещи к своему времени и месту», то программа старших курсов ставила более сложные задачи. В «Постановлении о Лицее» содержалась рекомендация построить преподавание истории таким образом, чтобы показать «в разных представлениях государств шествие нравственности, успехи разума и падение его в разных гражданских постановлениях». На шестом году обучения вводилась практика собственных сочинений воспитанников политико-экономического и юридического содержания, включающих элементы полученных лицеистами знаний по истории и праву. Все это в значительной мере действительно сближало лицейские программы с преподаванием права на нравственно-политическом отделении Московского университета, открытие которого предусматривалось университетским уставом 1804 г. В том же документе подтверждались права счастливых обладателей университетского диплома на быстрое продвижение по служебной лестнице.

Несмотря на некоторое сходство университетских и лицейских учебных планов, юридические науки давались лицеистам в более сокращенном варианте, учитывая практический характер их будущей деятельности в министерствах и ведомствах. Аттестат, полученный А.С.Пушкиным при выходе из Лицея, в перечне изученных поэтом дисциплин содержит «право естественное, частное и публичное, гражданское и уголовное», а также «историю права российского, государственную экономию и финансы». Успехи Пушкина оцениваются при этом как «хорошие» и «весьма хорошие». В лицейской таблице учебных баллов за 1816 г., опубликованной И.Я. Селезевым, среди прочих предметов названы также «энциклопедия права и всеобщая политическая история».

Хорошо известно, что учебная жизнь Пушкина в Лицее не ознаменована блестящими успехами в науках. Подписанный А.П. Куницыным атте-

стат поэта был конечным результатом напряженных шестилетних занятий. Текущие же успехи Пушкина в области энциклопедии права, политической экономии, статистики, истории оценивались «весьма посредственно». Для современников поэта, знакомых с творчеством зрелого Пушкина, где смелый полет вдохновения сочетался с глубокой эрудицией, приведенный факт казался неразрешимой загадкой. Психологически ее пытались объяснить свойствами характера, не позволявшими юному Пушкину выказывать приобретенные познания публике. В 1812 г. А.П. Куницын писал о понятливости и остроумии своего ученика, отмечая при этом его крайнюю непринужденность: «Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а потому успехи его очень невелики, особенно по части логики».

27 марта 1816 г. Пушкин, рвущийся из Лицея в литературные салоны Петербурга, пишет следующие полушутливые-полугрустные строки: «...Целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного! Целый год еще дремать перед кафедрой...» Приведенная фраза исчерпывающе отражает все противоречия, свойственные лицейскому преподаванию. По отзывам многих поколений лицеистов, «все пышное, высокопарное, школьное совершенно удалено было от... понятия и слуха», способствуя «возбуждению... любопытства и размышления». Существовала и обратная сторона медали. Политические науки, очевидно, весьма сложно усваивались юношами, пришедшими в Лицей со скромной домашней подготовкой. Отсутствие печатных руководств приводило к бесконечному переписыванию целых лекционных курсов. Судя по дневниковой записи педантичного и аккуратного лицеиста С. Комовского, «...профессоры... беспрестанно задавали, особливо переписывать; одна эта переписка занимала весьма много времени и занимала его самым скучным образом».

Состояние с учебными пособиями было в Лицее настолько неудовлетворительным, что в 1814 г. последовало распоряжение А.К. Разумовского о запрещении воспитанникам заниматься на уроках чистописания переписыванием записок к лекциям. Спустя десятилетия, М.А. Корф вспоминал, что Куницын сам составлял конспекты своих лекций, а «мы должны были их списывать и изучать слово в слово». Возможно по этой причине Пушкин, как свидетельствует Комовский, «охотно занимался науками историческими, но не любил политических». В «Записках» И.И. Пущина упоминается, что в классах Куницына Пушкин занимался совершенно по-своему: «Уроков никогда не повторял, мало что записывал, а чтобы переписывать тетради профессоров... у него и в обычае не было; все делалось *à livre ouvert* (с листа)».

Приведенные оценки верны лишь в том, что касается официальной стороны жизни Лицея. По свидетельству А.Илличевского, близкого кругам А.И. Дельвига и Е.А. Баратынского, достоинством лицейского быта являлось стремление наставников сохранить внутреннюю свободу воспитанников. Сочинительство, любительский театр, смех и шутки с педагогами были привычными атрибутами повседневного быта воспитанников пушкинского вы-

пуска. Это частично компенсировало отсутствие каникул и сложность учебных курсов.

Лицейский культ в лирике Пушкина был рожден не только ностальгией по ушедшей юности. Многие выпускники вспоминали, что затворничество молодежи при всех своих недостатках способствовало тому созерцательному направлению, которое получила духовная жизнь воспитанников. Уход в мир книг, научных и литературных интересов помогал коротать «годы заточения», что особенно было необходимо в унылые и долгие зимние вечера.

Пушкин посвящает лицейской библиотеке поэму «Городок». Он же вспоминал, как А.И. Дельвиг охотно разыгрывал роль «беспечного ленивца», проводя время в аллеях Царскосельского парка в беседах с товарищами о прочитанных новинках словесности. С.П. Шевырев писал в «Воспоминаниях о Пушкине» со слов поэта, что чтение европейских журналов, где со времени энциклопедистов политика и словесность сплетались воедино, накладывало неизгладимый отпечаток на быт и образ мыслей лицейцев. В своих играх они устраивали «парламентские палаты», спорили, «говорили речи», «...вообще свободы было очень много».

Эволюция лицейской атмосферы в сторону официальной парадности началась с 1822 г., когда Лицей был временно переведен в подчинение военному министерству и частично переориентирован на подготовку кадровых офицеров. «Лицейские досуги» приобрели более планомерный характер и не мыслились без строгого контроля за состоянием умов дворянской молодежи. Апулей более не предпочитался Цицерону. Муза поэзии навсегда оказалась изгнанной из царскосельских садов.

---

1. Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники // Грот Я.К. Труды. Т.3. СПб., 1901. С.3-30.

2. Подробнее см.: Соколова Е.С. Юридическое образование русских дворян как элемент сословной политики абсолютизма начала XIX в. (на примере Императорского Царскосельского Лицея) // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. Екатеринбург, 1998. С.36-41.

**Солодкин Я. Г.
(Нижевартовск)**

О причинах возникновения сибирского летописания

Вскоре после учреждения архиепископии с центром в Тобольске, между 1621/22 (когда, видимо, появился синодик «ермаковым казакам» (далее - С) и началом осени 1636 (тогда владычный дьяк Савва Есипов завершил работу над Основной редакцией «Повести о Сибири и о сибирском взятии») гг., в новом «царстве» московских государей, прежде подвластном Кучуму, зародилась летописная традиция. (Утверждение, будто это случилось в кон-